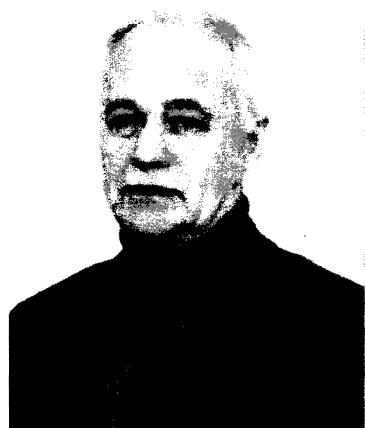

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ЭЛЕМЕНТ АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ

Л.М. Вардомацкий,
доцент кафедры общего
и русского языкознания ВГУ
имени П.М. Машерова

Л.М. Вардомацкий,

доцент кафедры общего и русского языкознания
ВГУ имени П.М. Машерова

Как известно, в основе успеха любого образовательного процесса, как правило, лежат две вещи. Во-первых, это личность учителя, способного заразить учащихся своими знаниями и своей профессиональной увлеченностью, и, во-вторых, внутренний потенциал самого учебного предмета, в процессе изучения которого раскрываются практические возможности новых знаний. Это положение в полной мере относится и к русскому языку – учебному предмету, который учащиеся пытаются постичь практически с первого класса, но который не заканчивается вместе с последним звонком в школе. Ф.И. Буслаев, один из известнейших педагогов и ученых XIX века в работе «О преподавании отечественного языка» писал: «Родной язык так сросся с личностью каждого, что учить оному значит вместе и развивать духовные способности учащегося. Таким образом, в самом предмете преподавания, в языке отечественном, находим мы необходимость педагогической методы» [1, с. 8]. И особенно широкие образовательные возможности Ф.И. Буслаев видел в привлечении в преподавание словесности методов сравнительного и исторического языкознания, поскольку такой подход позволяет решить целый ряд задач, неразрешимых с точки зрения синхронного, расчлененного, «атомистического» подхода к изучению языка, ибо только сравнительное и историческое изучение языков «дает истинное и ясное понятие о законах языка, и только историческое исследование генетически объясняет, почему так, а не иначе употребляем мы ту или иную форму» [1, с. 92]. Для решения этой задачи и широкого внедрения в учебную практику идей лингвистического историзма в 1858 году Ф.И. Буслаев издает первый у восточных славян учебник такого рода под названием «Историческая грамматика русского языка». Бесспорное значение исторических лингвистических знаний подчеркивают и многие современные авторы. Так, Т.Г. Трофимович, в частности отмечает: «Историко-лингвистические знания позволяют рассматривать современное состояние языков как результат их длительной эволюции, исключая таким образом представления об эклектичном и спорадическом характере их систем» [2, с. 3].

В современной профессиональной среде нет альтернативы мнению о том, что «насколько бы глубокими не были бы знания того или иного современного языка,

они всегда будут частичными, неполными, формальными. ... А во многих случаях явления современного русского языка без исторических знаний вообще не могут быть объяснены и часто кажутся нам аномальными или просто непонятными» [3, с. 5]. Так, в работе В.В. Одинцова «Лингвистические парадоксы» (материалы которой, кстати, с успехом могут быть использованы учителем как при углубленном изучении различных тем на уроках русского языка, так и при подготовке различных воспитательных мероприятий) приводятся интересные примеры, которые автор вообще называет лингвистическими парадоксами. Например, школьники старших классов хорошо знают, что слово *атом* обозначает 'неделимый' (в греческом – *атомос*). Такое название ввел древнегреческий философ Демокрит, который считал, что это мельчайшая частица, меньше атома не бывает ничего. А теперь подскажем учащимся, что в этом древнегреческом слове выделяется приставка, *а-*, которая имеет значение отрицания (как русская отрицательная частица *не*), предлагаем отбросить эту приставку и обратить внимание на оставшийся корень – *том*. Если атом – 'неделимый', то том – наоборот – 'делимый'. Со словом *том* мы очень часто сталкиваемся в школе, особенно на уроках литературы. Например, «Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» впервые был издан в 1869 году в шести томах». То есть *том* – это одна часть какого-то разделенного целого [4, с. 41]. И, таким образом, слово *атом*, с которым дети знакомятся, изучая физику, химию или биологию, и слово *том*, которое они узнают на уроках литературы, – это однокоренные слова. Тем более интересным выглядит выражение «деление атома». Буквально это должно означать «деление неделимого».

Такие лингвистические парадоксы и исторические комментарии к различным современным словам или грамматическим формам вызывают у учащихся действительный интерес, пробуждая стремление к пусть игровому, но самостоятельному поиску ответов на вопросы, которые ставит перед ними язык. Это и есть первый шаг в науку. Возможности для этого скрываются во всех уровнях русского языка. Рассмотрим лишь некоторые примеры возможностей углубленного внимания к русскому слову при изучении имени существительного.

Во-первых, что значит и как внедрился в русское языкознание сам термин «морфология». Именно внедрился, потому что к русскому языку как к учебному предмету это понятие первоначально не имело никакого отношения. Вообще слово морфология составлено из двух греческих корней – *морфе* – "форма" и *логос* – "слово, учение." Однако как научные термины «морфология» и «морфема» появились только во второй половине 19 в. Есть предположение что термин «морфология» первоначально был изобретен, как ни странно, великим немецким поэтом и философом Гёте для описания «форм» живой и неживой природы. В этом значении этот термин сразу же был взят на вооружение учеными-естествоиспытателями. И в том же 19 в. был заимствован языковедами – представителями «натуралистического» направления в языкознании, которые считали, что язык – это такой же живой организм и его следует описывать по аналогии с живыми организмами.

Язык, являясь постоянно развивающейся и изменяющейся системой, с одной стороны, демонстрирует особенности «на грани завтрашнего дня». То есть такие особенности, которые у нас буквально на глазах теряют свою устоявшуюся нормативность. Это особенно заметно в акцентологии. Сравним для примера. Так, современные нормативные источники утверждают, что существительное *кулинария* должно иметь ударение на *-а-*, а в наречии *мастерски* ('качественно', 'профессионально') ударение

на *-и*. Словари говорят нам также, что нормативными являются формы *красивее, обеспечение, феномен*. Но в абсолютном большинстве случаев, даже в речи высокообразованных людей (включая и филологов) мы услышим сегодня: *кулинария, мастерски, красивее, обеспечение, феномен*. И количество таких примеров исчисляется далеко не одним десятком. Что это? Широко распространенная неграмотность? Совсем нет. Для определенного статического этапа жизни языка это действительно отклонения от нормы. Но проходит время, и многие из таких «ошибок» рискуют стать нормой. Не так ли произошло, например, со словом *кофе*? Долгое время ревнители русского языка активно поправляли всех, кто употреблял это слово в форме среднего (а не мужского!) рода. Но сегодня многие словари, изданные в России, уже предлагают считать оба варианта этого существительного – *кофе (он)* и *кофе (оно)* – равноправными, что, кстати, позволило одной витебской журналистке построить интересный лингвистический каламбур: «*В Беларуси кофе еще крепкий, а в России уже не очень*».

С другой стороны, в современном русском языке (как и во всех других языках) все еще продолжают жить некоторые формы, которые были системными в языке ушедших эпох, создавая впечатление некоторой неупорядоченности и даже парадоксальности в нашем сегодняшнем языке.

Так, например, в современном русском языке существительные среднего рода в И.п. мн.ч. как правило, имеют окончание *-а (-я)*: *поля, сёла, окна, небеса*. Но ведь существительные *колени, ухо* тоже существительные среднего рода. Почему же в И.п.мн.ч. они имеют формы с окончанием *-и (уши, колени)*, которое свойственно существительным мужского рода (*пороги, дни, соседи*)?

Ответ скрывается в истории. *Уши, колени*, как и *плечи, очи*, – это действительно существительные среднего рода в форме именительного падежа. Но только не множественного, а двойственного числа, которое было свойственно древнерусскому языку. Грамматическая категория двойственного числа утратилась в истории русского языка. Но старые формы имен существительных продолжают жить в языке, хоть мы их и называем формами именительного падежа множественного числа. Кстати, обратим внимание, что все существительные, не только среднего рода, в которых заложено значение парности, также сохраняют это древнерусское окончание *-а*: *берега, рукава, рога, глаза...* А язык пошел еще дальше, поскольку в нем среди многих внешних и внутренних законов, определяющих его развитие, самый сильный закон – это закон аналогии. И вот уже другие существительные мужского рода начинают все чаще употребляться с окончанием *-а* в именительном падеже множественного числа. Так, вначале развиваются и некоторое время сосуществуют варианты (типа *тракторы* и *трактора*). Причем варианты на *-а* первоначально считаются стилистически сниженными, разговорными. Сравним: *лекторы* и *лектора, конструкторы* и *конструктора, договоры* и *договора* и т.п. В XIX веке распространены были формы *дóмы, пóезды*. Но уже в XX веке совершенно обычными (и нормативными!) стали формы *домá, поездá*, как и *леса, города, колокола* и мн. под. Уже в последние десятилетия формы *дирéкторы, профéссоры* стали устаревшими, а их место заняли варианты *директорá, профессорá*.

Однако обратим внимание на интересную особенность белорусского языка: в нем развивается абсолютно противоположная тенденция. Все существительные 2-го склонения мужского рода в И.п.мн. ч. закрепляют окончание *-ы (-и)*: *дамы, лясы, га-*

рады. Эта же тенденция распространяется и на существительные со значением парности: *берагі, рогі, рукавы*... И этой же аналогии подчиняются существительные среднего рода: *вокны, палі, вочы, нябёсы*.

Существительные женского рода в современном русском языке делятся в основном на 2 группы: существительные с окончаниями *-а (-я)* и существительные с мягкой основой и нулевым окончанием: *страна, душа, земля и печь, мышь, метель*. Но в русском языке есть также немногочисленная группа своеобразных по грамматической форме существительных, оканчивающихся на *-овь*: *морковь, кровь, бровь, церковь, свекровь, любовь*. Дело в том, что существительные такой формы в именительном падеже единственного числа появились в русском языке благодаря принципиальным историческим изменениям в их структуре. В древнерусском языке эпохи первых памятников письменности такие существительные в именительном падеже единственного числа имели форму *мъркы, кры, бры, бры, цьркы, свекры, любы*. Однако со временем окончание *-ы* установилось в качестве грамматического показателя множественного числа существительных. И формы типа *кры, бры* стали восприниматься как формы множественного числа, что, естественно, мешало общению. Поэтому в качестве начальной формы таких слов стали употребляться формы винительного падежа этих существительных, которые в этом падеже заканчивались на *-овь*. То есть перечисленные выше формы существительных типа *церковь, свекровь, любовь* – это на самом деле формы старого винительного падежа, который для этих слов стал употребляться в значении именительного.

Белорусский язык и в этом случае также пошел по своему пути: такие общеславянские существительные (если они сохранились в истории белорусского языка) в основе своей включились в группу существительных женского рода с окончанием *-а*: *морква, царква*, сравн.: разговорн. *свьякрова*. Исключение составляет только существительное *крой*.

В некоторых падежах современного русского языка наблюдаются варианты окончания: *-а* и *-у* в Р.п.ед.ч.: *гороха – гороху*; *-у* и *е* в предложном падеже: *о меде – на меду*. Понятно, что это не вполне нормальное явление для языка, которое может свидетельствовать о переходном периоде для этой формы, незаконченности ее формирования. (Правда, сколько продлится этот период, не знает никто). Но такая вариантность имеет конкретное историческое объяснение. Существительные мужского рода, которые сегодня относятся ко второму склонению, в древнерусском языке относились к разным типам склонения, которые имели свои парадигмы со своими окончаниями. В истории русского языка такие существительные объединились в один тип и выработали общую парадигму падежных окончаний. Но в отдельных случаях в этой «борьбе падежных окончаний за жизнь» некоторые окончания одних и тех же падежей, но разных древнерусских типов склонения, как бы «договорились о перемирии» и продолжают сосуществовать параллельно. А для обеспечения единообразия в орфографии для них были разработаны правила, в каких случаях, при выражении каких именно значений нужно использовать то или иное окончание.

Интересным и внесистемным с точки зрения современного русского языка является способ образования форм множественного числа существительных, обозначающих детенышей животных. Сравним: *теленки – телята, котенки – котята, щенки – щенята*. Так же, кстати, и *ребенок – ребята*. При образовании форм множественного числа здесь заменяется не только окончание, но и суффикс, что совершенно не характерно русскому языку. И здесь на помощь приходит история языка. В древнерусском

языке в И.п.ед.ч. эти слова имели несколько иную форму. Первоначально было *telenti*, где сочетание *-en-* в закрытом слоге стянулось вначале в *-л-* (носовой гласный звук переднего ряда), который в русском языке со временем перешел в [‘а]. Так получилось *telenti* → *теляти*. Вспомним пословицу «дай бог нашему теляти да волка поймати». (В белорусском языке закрепились формы типа *цяля, парся*. (Как и русское *дитя*). А форма множественного числа образовалась с помощью окончания *-а* от этой же основы: *telent-a* → *телята*. Аналогично – и все другие существительные этого класса.

С интересом воспринимают учащиеся и объяснение причин появления в русском языке «разносклоняемых» или «склоняющихся по-особому» существительных. Например, учебные пособия предлагают запомнить, что при склонении существительных на *-мя* в них появляется «наращение» *-ен-*: *время – времени – времена* и т.д. Но с исторической точки зрения здесь никакой «специфичности» нет. Первоначально было: *vremen – vremeni – vremena*. В именительном падеже *-en* перешел в [‘а], как и в предыдущем примере со словом *теляти*, а форма родительного падежа закономерно образовалась с помощью окончания *-и*. Соответственно в И.п.мн.ч. имеем окончание *-а*, как и во всех других существительных среднего рода (*окна, поля, дела*). И никакого наращения здесь нет.

Это лишь единичные примеры возможностей использования исторических лингвистических экскурсов в процессе изучения русского языка. И в этом видятся (при правильной оценке всех объективных и субъективных обстоятельств учебного процесса) серьезные потенциальные возможности активизации учебного интереса учащихся. И не только к языку как к учебному предмету (русскому, белорусскому, иностранному), но и к языку как хранилищу человеческих знаний и культурных ценностей.

Литература

1. Буслаев, Ф. О преподавании отечественного языка. Сочинение Федора Буслаева, старшего учителя 3-й московской, реальной гимназии. Ч.1/ Ф. Буслаев. – М., 1844. – 731 с.
2. Трофимович, Т.Г. Историческая грамматика русского языка /Т.Г. Трофимович. – Минск : Тетра-Системс, 2011. – 208 с.
3. Вардомацкий, Л.М. История русского языка: Историческая фонетика. Историческая морфология. Курс лекций / Л.М. Вардомацкий. – Витебск : Издательство УО «ВГУ имени П.М. Машерова», 2003. – 130 с.
4. Одинцов, В.В. Лингвистические парадоксы / В.В. Одинцов. – М : «Просвещение», 1988. – 172 с.